

## КОЛЛИЗИИ МЕЖДУ НОРМАТИВНЫМИ ПРАВОВЫМИ АКТАМИ ОРГАНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И НОРМАТИВНЫМИ ПРАВОВЫМИ АКТАМИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ СУДАМИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

© 2021

*А.С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор,  
заведующий кафедрой теории права и конституционного права  
Российско-Армянский университет, Ереван (Республика Армения)*

**Ключевые слова:** коллизии; коллизионная норма; законы РА; суды РА; правовые акты органов ЕАЭС; правило *lex superior*.

**Аннотация:** Для комплексного рассмотрения коллизий между актами нормативного характера органов ЕАЭС и нормативными актами РА, а также вопросов их разрешения судами РА анализируются правила непосредственного применения нормативных актов органов ЕАЭС на территории Республики Армения. В законодательстве Республики Армения отсутствуют коллизионные нормы, разрешающие противоречия между нормативно-правовыми актами органов ЕАЭС и нормативно-правовыми актами органов РА (за исключением Конституции РА). В статье анализируются позиции Конституционного Суда РА и Административного Суда РА по этим вопросам. Автор предлагает до законодательного закрепления соответствующих коллизионных норм судам РА выбрать один из вариантов разрешения вопроса. Вариант первый: суд закрепляет в своем судебном акте самостоятельное коллизионное правило *lex superior*, согласно которому нормативные акты органов ЕАЭС имеют приоритет над законами РА, а в случае такого противоречия применяются нормативные акты органов ЕАЭС. Основным недостатком данного варианта является сложность обоснования действительности (легитимности) источника коллизионного правила, установленного судом. Вариант второй: правовые свойства нормативных актов органов ЕАЭС приравниваются в судебном акте к международным договорам посредством правовой фикции. Вариант третий: суд констатирует наличие пробела в вопросе разрешения коллизии между нормативными актами органов ЕАЭС и законами РА в позитивном праве РА, поскольку ни ст. 6 Конституции РА, ни решение Конституционного суда № U7П-1175, ни Закон РА «О нормативных правовых актах» не предусматривают иерархию и коллизионную норму для нормативных актов органов ЕАЭС и законов РА. Далее, руководствуясь ст. 39 Закона РА «О нормативных правовых актах» (применение аналогии права и закона) и разрешая коллизию между нормативными актами органов ЕАЭС и нормативными актами РА, по аналогии следует применять ч. 3 ст. 5 Конституции РА.

### ВВЕДЕНИЕ

Евразийская интеграция является достаточно противоречивым явлением: с одной стороны, теоретики отмечают ее необходимый характер [1; 2], с другой стороны, ей противится население многих постсоветских стран, предпринимая цветные революции [3]. Преобладает позитивное восприятие. В конечном итоге создаются наднациональные структуры для взаимосогласованного решения проблем, вытекающих из объективных правовых отношений наднациональной платформы [4–6]. В решениях органов наднациональных учреждений и организаций, формулируемых при добровольном участии каждой страны, находит свое отражение желание национального мандатного участия в силу ратифицированного международного договора, которое исходит из национальных интересов страны. Национальные учреждения выполняют свои функции с учетом правовых норм международных договоров, представляющих собой неотъемлемую часть внутренней правовой системы<sup>1</sup>.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) является наднациональной международной организацией. 10 октября 2014 года Республика Армения присоединилась к Договору о Евразийском экономическом союзе (далее – Договор о ЕАЭС).

Органы ЕАЭС, в частности Суд ЕАЭС, принимают решения (вторичные акты ЕАЭС), которые представляют собой акты, содержащие нормативные правовые положения (далее – нормативные акты) [7–9], и могут противоречить национальным нормативным правовым актам [10; 11]. Например, согласно п. 13 приложения 1 к Договору о ЕАЭС, «Евразийская экономическая комиссия в пределах своих полномочий принимает обязательные для исполнения решения нормативно-правового характера для государств-членов». Возрастание роли ЕАЭС [12] неизбежно приводит к возникновению вопроса о юридической силе [13; 14] и возможности реализации актов органов ЕАЭС в государствах – членах ЕАЭС, в частности в Республике Армения [15], в законодательстве которой отсутствуют коллизионные нормы, призванные разрешить потенциальные противоречия между актами органов ЕАЭС и правовыми актами РА.

Более того, в постсоветской правовой действительности не обсуждался и не обсуждается вопрос соотношения законов РА и правовых актов органов ЕАЭС в аспекте коллизий, а в армянской действительности этот вопрос преимущественно рассматривался и рассматривается в свете общего характера имплементации правовых актов органов ЕАЭС через призму конституционных положений [16–18] и не освещается в рамках судебной практики [19; 20].

Для беспрепятственного применения нормативных актов органов ЕАЭС на территории государств-членов

<sup>1</sup>Решение Конституционного Суда РА U7П-1175 от 14.11.2014 // Arlis: Armenian legal information system. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=93758>.

представляется необходимым их коллизионно-правовое изучение.

Цель исследования – выяснение коллизионных норм, призванных разрешить коллизии между нормативными правовыми актами органов ЕАЭС и нормативными правовыми актами государственных органов РА, а также в этой сфере и предложение способов их устранения судами РА.

## МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Вопрос коллизий между нормативными правовыми актами органов ЕАЭС и нормативными правовыми актами государственных органов РА изучен с точки зрения как коллизионных правил, существующих в общей теории права, так и коллизионных норм, закрепленных в позитивном праве РА и сформированных в рамках судебной практики.

Исследование проводилось в несколько этапов.

Во-первых, в ходе исследования были рассмотрены законодательные положения РА о действии (применении) актов органов ЕАЭС на территории Республики Армения, а также история их формирования.

Во-вторых, на основании полученных данных была предпринята попытка найти те коллизионные правила, посредством которых правоприменительные органы РА могут разрешить коллизии между нормативными актами органов ЕАЭС и нормативными актами государственных органов РА. На данном этапе исследования были изучены:

- 1) коллизионные нормы, закрепленные в позитивном праве РА (ст. 5 Конституции РА, закон РА «О нормативных правовых актах»);
- 2) практика Конституционного и Административно-судов РА;
- 3) правовое регулирование коллизий в отдельных государствах – членах ЕАЭС.

## РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

### 1. Способы реализации и применения актов органов ЕАЭС

**1.1. Действие актов органов ЕАЭС в соответствии с договорами ЕАЭС.** Для разрешения коллизий между нормативными актами органов ЕАЭС и нормативными правовыми актами РА принципиальное значение имеет вопрос о том, применяются ли акты органов ЕАЭС непосредственно в Республике Армения или вводятся в действие посредством актов государственных органов РА.

Согласно ч. 1 ст. 6 Договора о ЕАЭС, «решения Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета подлежат исполнению государствами-членами **в порядке, предусмотренном их национальным законодательством** (выделено автором. – А. Г.)». Есть два замечания относительно этого положения.

Во-первых, норма оговаривает условие выполнения решений Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета «в порядке, установленном национальным законодательством», что позволяет сделать вывод о предостав-

лении Договором о ЕАЭС возможности государствам-членам определять порядок реализации решений этих органов ЕАЭС. Государство может по своему усмотрению определить, что решения этих органов имеют прямое действие на их территории или приводятся в исполнение государственными нормативными правовыми актами [17]. Более того, законодательством РА такая процедура не предусмотрена.

Во-вторых, условие, содержащееся в обсуждаемом положении, касается только выполнения решений Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета. Условие «в соответствии с национальным законодательством» не распространяется на выполнение решений Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК).

Более того, в п. 13 Приложения 1 к Договору о ЕАЭС прямо упоминается непосредственное применение решений ЕЭК: «Решения Комиссии входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств-членов».

В этой связи следующая формулировка, обозначенная в консультативном заключении Суда ЕАЭС от 10.07.2018, неприемлема: «В отношении наднациональных актов Союза установлено правило непосредственного их применения»<sup>2</sup>. Общая формулировка Суда ЕАЭС о непосредственном применении актов Союза создает впечатление о наличии прямого действия актов всех органов ЕАЭС. Между тем п. 13 Приложения 1 к Договору о ЕАЭС говорит только о непосредственном применении решений ЕЭК.

Таким образом, государства – члены ЕАЭС определяют порядок реализации решений Высшего Евразийского экономического совета и Евразийского межправительственного совета в соответствии с национальным законодательством, в то время как государства-члены не имеют дискреционных полномочий в вопросе применения нормативных актов ЕЭК. Нормативные акты ЕЭК имеют прямое действие на территории государства-члена.

**1.2. Применение (действие) актов органов ЕАЭС согласно нормативным актам РА.** Ст. 2 Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 10.10.2014 предусматривает: «С даты вступления в силу настоящего Договора акты органов Союза, а также решения Высшего Евразийского экономического совета (Межгосударственный совет Евразийского экономического сообщества (Высший орган Таможенного союза)), решения Евразийской экономической комиссии (Таможенного союза), вступившие в силу со дня вступления в силу настоящего Соглашения, применяются на территории Республики Армения...».

В отличие от п. 13 Приложения 1 к Договору о ЕАЭС, ст. 2 Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе обычно

<sup>2</sup>Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 10.07.2018 «По заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/konsultativnoe-zakliuchenie-suda-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soiuz-a-ot-10072018-po/>.

касается применения решений органов Союза, но неясно, является ли это непосредственным или опосредованным применением решений.

Ст. 24 Закона РА «О нормативных правовых актах» предусматривает (до вступления в силу Закона *ՀՕ-175-Ն* от 30.04.2021), что правовые акты нормативного характера Евразийской экономической комиссии вводятся в действие законами РА или решениями Правительства РА. Согласно этому положению, нормативные акты ЕЭК подлежат повторному утверждению, что предусмотрено любым нормативным правовым актом, входящим в правовую систему РА.

Чем обусловлен выбор опосредованного применения нормативных актов ЕЭК властями РА в 2018–2021 годах? Бывший заместитель министра юстиции РА (17.10.2016–22.03.2019) А. Оганесян отметил: «Нормативные акты Евразийской экономической комиссии не могут напрямую применяться в Республике Армения без внесения изменений в Конституцию, это будет противоречить статьям 5–6 Конституции. Поэтому действующий Закон «О нормативных правовых актах» предусматривает инструментарий для реализации этих актов постановлением Правительства. Он решает два вопроса: во-первых, эти акты занимают горизонтальное положение подзаконного нормативного акта в правовой иерархии Республики Армения, а во-вторых, предоставляется возможность оспорить акты в случае возникновения вопроса о законности»<sup>3</sup>.

Сторонником вышеупомянутого подхода является также Т. Маркосян, который отмечает: «Озабоченность вызывает вопрос о месте нормативных правовых актов наднациональных международных организаций в системе национальных нормативных правовых актов. Дело в том, что статья 5 Конституции предусматривает исчерпывающий перечень нормативных правовых актов (Конституция, конституционный закон, закон и подзаконный акт) и их определенную иерархию. В результате непосредственное применение решений Евразийской экономической комиссии приведет к тому, что они будут вне этого списка, также не будет ясно место этих актов в иерархии нормативных правовых актов» [17, с. 93].

Сторонники данного подхода, считая, что ст. 5 Конституции РА призвана зафиксировать исчерпывающий перечень нормативных правовых актов (Конституция, конституционный закон, закон, подзаконные акты), приходят к выводу, что нормативные акты ЕЭК находятся вне перечня нормативных правовых актов. Поэтому непосредственное применение актов допускается только в случае внесения конституционных изменений.

До 2021 года законодательное регулирование и его теоретическое обоснование были весьма спорными. Г. Даниелян отметил, что при разработке концепции конституционных реформ и проекта поправок 2015 года часто поднимался вопрос о необходимости рассмотрения в проекте правовых актов органов, действующих на основе международных договоров, в частности, признания их составной частью национальной правовой

системы. При этом ученый отмечает, что, по его мнению, нет необходимости в признании такого правового акта в качестве непосредственно применимого компонента внутренней правовой системы, а только в качестве основы для принятия соответствующих национальных правовых актов. Причем в одном случае может быть принят нормативный акт, в другом – индивидуальный правовой акт [18].

Во-первых, на каком основании делается попытка найти место нормативным актам органов наднациональной международной организации в системе нормативных правовых актов государственных органов РА? Место актов органов международных наднациональных организаций следует искать не в системе национального законодательства (нормативных правовых актов), а в общей системе официальных источников (форм) права РА.

Во-вторых, ст. 5 Конституции РА перечисляет виды нормативных правовых актов (Конституция, конституционный закон, закон, подзаконный акт), но эти слова, с точки зрения предмета регулирования приведенной статьи, не содержат важную информацию. Цель данной статьи (предмет регулирования) заключается в предположении мер по разрешению вертикальных коллизий между перечисленными в статье нормативными правовыми актами, а не представлении системы нормативных правовых актов.

Конституционный Суд РА, проверивший конституционность положений вышеупомянутого международного договора, в рамках решения *ՄԴՈ-1175* от 14.11.2014 не заявил о неконституционности непосредственного применения нормативных актов ЕЭК. Более того, Конституционный Суд РА отметил: «Республика Армения обязуется применять на своей территории акты органов Союза со дня вступления в силу Договора, а также решения Высшего Евразийского экономического совета (решения Межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества, Евразийской экономической комиссии (Комиссии Таможенного союза)) с учетом положений Приложения 3 к Договору»<sup>4</sup>.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Конституционный Суд РА косвенно признал конституционность положения о непосредственном применении нормативных актов ЕЭК, поэтому ни один орган исполнительной власти не может выдвигать противоположное утверждение или предположение при разработке законодательной политики.

В-третьих, регулирование, предусмотренное предыдущей редакцией ст. 24 Закона РА «О нормативных правовых актах», существенно противоречило положениям упомянутых соглашений о непосредственном применении актов органов ЕАЭС.

Кроме того, в соответствии со ст. 24 Закона РА «О нормативных правовых актах» юридическая сила нормативных актов ЕЭК приравнивалась соответственно к юридической силе закона РА или решения Правительства РА. Получается, к примеру, при противоречии закону РА, нормативный акт ЕЭК, вступивший в силу посредством постановления Правительства РА, не может

<sup>3</sup>Из публикации Оганесяна А. От 15.02.2021.

URL: <https://www.facebook.com/artur.hovhannisyan.921/posts/3629189480463862>.

<sup>4</sup>Решение Конституционного суда РА *ՄԴՈ-1175*

от 14.11.2014 г. // Arlis: Armenian legal information system. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=93758>.



применяться на территории Республики Армения. В таком случае возникает вопрос: как Республика Армения будет выполнять обязательство по применению нормативных актов ЕЭК на своей территории, предусмотренное Договором о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 10.10.2014?

В-четвертых, правовая практика показывает, что нормативные акты ЕЭК применяются непосредственно на территории Республики Армения без инкорпорации в нормативные правовые акты РА.

В-пятых, введение в действие нормативных актов органов ЕАЭС посредством законов или подзаконных актов РА предоставляет возможность оспаривания законов или подзаконных актов РА, вводящих в действие эти акты, в Конституционном и Административном судах, т. е. нормативные акты органов ЕАЭС будут оспариваться в судебном порядке под видом оспаривания нормативного правового акта. Между тем существует Суд ЕАЭС для обжалования актов органов ЕАЭС. Введение актов органов ЕАЭС в действие нормативными актами РА создаст конфликтные ситуации между национальными судами и Судом ЕАЭС.

Вышеупомянутые обстоятельства свидетельствуют о том, что законодательное регулирование введения в действие нормативных актов ЕЭК через нормативные акты государственных органов РА было весьма противоречивым. Исходя из указанных обстоятельств, в 2019 году Правительство РА инициировало внесение законодательных изменений в ст. 24 Закона РА «О нормативных правовых актах». Авторы проекта, анализируя Договор о ЕАЭС и положения Договора о присоединении Республики Армения к Договору о Евразийском экономическом союзе от 10.10.2014, в обосновании проекта обозначили следующее: «В силу международных обязательств решения ЕЭК подлежат обязательному исполнению в Армении, нет необходимости принимать отдельный акт об их вступлении в силу. Необходимо лишь обеспечить доступность упомянутых решений для общественности, своевременно переводя их и публикуя»<sup>5</sup>.

19 апреля 2021 года Национальное Собрание РА приняло закон *ՀՕ-175-Ն* (вступил в силу 30 апреля 2021 года), которым в ст. 24 Закона РА «О нормативных правовых актах» определены следующие нормы:

1) нормативные акты ЕЭК в соответствии с международным договором о Евразийском экономическом союзе имеют непосредственное действие на территории Республики Армения;

2) в соответствии с ч. 2 ст. 110 Договора о ЕАЭС нормативные акты ЕЭК после перевода направляются для публикации в компетентный орган, назначенный Правительством.

## 2. Нормативные правовые акты РА и органов ЕАЭС

**2.1. Основные положения.** Ст. 5 Конституции РА, Закон РА «О нормативных правовых актах» не предусматривают коллизионных норм *lex superior* для разре-

шения коллизий между нормативными актами органов ЕАЭС и Конституцией РА или законами.

До законодательного закрепления приведенных правил разрешения коллизий судебные органы РА должны сформулировать коллизионные каноны, с помощью которых можно будет разрешить обсуждаемые коллизии.

**2.2. Коллизионное правило *lex superior*.** Конституция РА не определяет коллизионную норму, которой следует отдавать предпочтение в случае возникновения коллизии между нормативными актами органов наднациональных международных организаций и Конституцией. Этот пробел в какой-то мере восполнен Конституционным Судом РА, в решении *ՄՊ-1175* от 14.11.2014 которого установлено следующее: «Для Армении действие решений наднациональных органов возможно только в рамках соблюдения Конституции РА. Любое решение, принятое наднациональным органом с участием Республики Армения, не соответствующее этому требованию, не применяется в Республике Армения. А при соблюдении этих требований не могут возникнуть проблемы неконституционности сотрудничества Республики Армения с той или иной региональной или международной организацией. Это в полной мере относится к рассматриваемому Договору и международным обязательствам по нему»<sup>6</sup>. Из этого решения Конституционного Суда РА можно сделать несколько выводов.

Во-первых, в решении Конституционного Суда РА говорится о запрете применения на территории РА актов органов ЕАЭС, противоречащих Конституции РА. Тот факт, что акты органов ЕАЭС не применяются в конкретном случае на том основании, что они противоречат Конституции РА, не означает, что они признаны неконституционными и недействительными. Согласно действующему законодательству, органы РА не обладают полномочиями признавать недействительными акты органов ЕАЭС.

В соответствии со ст. 168 Конституции РА акты наднациональных международных организаций не входят в перечень объектов конституционного контроля. Нормативные акты органов ЕАЭС непосредственно не могут стать объектом конституционного судебного контроля.

Во-вторых, адресатами запрета на применение противоречащих Конституции актов ЕАЭС являются не только суды РА, но и другие правоприменительные органы, в том числе административные. Если правоприменительный орган при рассмотрении конкретного дела обнаруживает нормативный акт органа ЕАЭС, который противоречит Конституции РА, то он не уполномочен руководствоваться нормативным актом ЕАЭС.

Государства – члены ЕАЭС по-разному регулируют вопросы нормативных актов органов ЕАЭС, иерархии парламентских законов, разрешения своих конфликтов. Например, ст. 4 Конституции Республики Казахстан не предусматривает коллизионной нормы, разрешающей противоречие между нормативными актами органов международной организации

<sup>5</sup>Нормативно-правовые акты О внесении изменений и дополнений в закон // Единый веб-сайт для публикации правовых актов. URL: <https://www.e-draft.am/projects/2496/about>.

<sup>6</sup>Решение Конституционного суда РА *ՄՊ-1175* от 14.11.2014 г. // Arlis: Armenian legal information system. URL: <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docID=93758>.

и законами<sup>7</sup>, но Конституционный Совет Республики Казахстан зафиксировал следующую коллизию нормы в п. 3 нормативного решения от 05.11.2009: «При возникновении коллизии между обязательным для Казахстана решением международной организации и (или) ее органа и нормативными правовыми актами Республики Казахстан, действует решение международной организации и (или) ее органа до устранения такой коллизии»<sup>8</sup>.

Что касается ЕЭК, Конституционный Совет Республики Казахстан указал, что если обязательный акт Комиссии Таможенного союза противоречит закону Республики Казахстан или иному нормативному правовому акту, то по общему правилу применяется правовая норма, принятая Комиссией.

Как уже отмечалось, в Конституции Казахстана не предусмотрена коллизийная норма для урегулирования коллизий между актами органов ЕАЭС и законами, поэтому возникает вопрос: каков источник действительности коллизийной нормы, установленной Конституционным Советом? Иначе говоря, на каком основании Конституционный Совет узаконил коллизийную норму о верховенстве актов органов ЕАЭС? Чтобы легитимизировать обсуждаемую коллизийную норму, Конституционный Совет справедливо применил юридическую фикцию, в соответствии с которой нормативные акты органов ЕАЭС не являются международными договорами, но приравниваются к ним. Конституционный Совет отметил, что решения международных организаций и их органов могут приобретать юридические свойства международного договора, ратифицированного Республикой, если в международном договоре, ратифицированном Республикой Казахстан, прямо указано, что эти решения являются обязательными для Казахстана.

В Республике Беларусь вопросы соотношения нормативных актов и законов органов ЕАЭС четко не урегулированы, но доктрина констатирует, что в иерархии нормативных правовых актов решения межгосударственных образований имеют меньшую юридическую силу, чем законы и декреты Республики Беларусь [19]. Основанием для подобного вывода послужили те полномочия Конституционного Суда Беларуси, согласно которым он выносит заключение о соответствии актов межгосударственных образований законам и декретам (п. 4 ст. 116 Конституции Республики Беларусь)<sup>9</sup>. В то же время теоретики неоднократно заявляли, что ст. 116 Конституции адресована исключительно Конституци-

онному суду и не может применяться никаким другим органом [20].

При этом ст. 9 Закона Республики Беларусь «О Конституционном суде» (утратил силу) предусматривала, что если Конституционный суд постановляет о несоответствии актов межгосударственных образований закону, то эти акты считаются недействительными<sup>10</sup>. Этот подход был смягчен Законом «О конституционном судопроизводстве» от 2014 года, ст. 85 которого не предполагает отмены актов межгосударственных организаций, но предусматривает, что государственный орган, ответственный за реализацию акта межгосударственного образования, должен принять меры, предусмотренные международным правом, для прекращения обязательной силы такого акта в отношении Республики Беларусь<sup>11</sup>.

В то же время в судебной практике РА уже наблюдались случаи возникновения противоречий между нормативными актами органов ЕАЭС и законами РА. Так, в соответствии с параграфом 15 ст. 158 Кодекса РА об административных правонарушениях (далее – КоАП РА), «продажа любых пищевых продуктов, не являющихся детскими молочными смесями для детей младше 6 месяцев: влечет назначение штрафа – в трехсоткратном размере установленной минимальной заработной платы». Между тем Комиссия Таможенного союза посчитала, что смеси для детей младше 6 месяцев *Semper*, *Heinz*, *Humana* соответствуют стандартам безопасности пищевых продуктов, установленным техническими регламентами Таможенного союза<sup>12</sup>. Вышесказанное свидетельствует об отсутствии возрастных ограничений на каши для детского питания в ЕАЭС. Республика Армения, как государство – член ЕАЭС, руководствуется последними актами, решениями Высшего Совета, одним из которых является Генеральный реестр Евразийской экономической комиссии. Получается, что, с одной стороны, КоАП РА запрещает продажу любого детского питания, не являющегося молочной смесью, с другой стороны, выдав сертификаты на эти продукты, ЕЭК разрешает их обращение в ЕАЭС.

Как разрешить сложившуюся коллизийную ситуацию? Административный суд РА обращался к этому вопросу в двух делах. В административном деле № ЧГ/10460/05/19 истец фактически поднял вопрос о противоречии нормативных актов органов ЕАЭС закону РА, однако суд в своем решении от 26.10.2020

<sup>7</sup> Конституция Республики Казахстан принята 30 августа 1995 года // Адилет: информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: [https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000\\_#z5](https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_#z5).

<sup>8</sup> Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 5 ноября 2009 года № 6 «Об официальном толковании норм статьи 4 Конституции Республики Казахстан применительно к порядку исполнения решений международных организаций и их органов // Юрист. URL: [https://online.zakon.kz/document/?doc\\_id=30519643#pos=3;-88](https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30519643#pos=3;-88).

<sup>9</sup> Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>.

<sup>10</sup> О Конституционном суде Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 30 марта 1994 г., № 2914-ХІІ // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19402914>.

<sup>11</sup> О конституционном судопроизводстве: Закон Республики Беларусь, 8 января 2014 г., № 124-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400124>.

<sup>12</sup> Согласно сертификату Евразийской экономической комиссии № RU.77.99.19.005.Е.045392.11.11 от 22.01.2016 каша «*Semper*» предназначена для детей старше 5 месяцев.

Согласно сертификату Евразийской экономической комиссии № RU.77.99.19.005.Е.035308.09.11 от 25.01.2016 каша «*Semper 1*» предназначена для детей с 6-месячного возраста.

Согласно сертификату Евразийской экономической комиссии № RU.77.99.26.005.Е.0297774.08.11 от 22.01.2016 каша «*Humana expert 1*» предназначена для детей с 6-месячного возраста.

признал недействительным решение о наложении административного взыскания и не обратился к противоречию между параграфом 15 ст. 158 КоАП РА и актами органов ЕАЭС. Признание административного акта недействительным судом обусловлено наличием процессуальных нарушений при сборе доказательств.

Между тем во втором деле № Ч7/10376/05/19 Административный суд РА в своем решении от 28.10.2020 в некоторой степени обратился к коллизии, поэтому представим его более подробно. В указанном деле суд отметил: «Комиссия Таможенного союза посчитала, что пищевые продукты, не являющиеся детскими молочными смесями для детей младше 6 месяцев, Sempreg, Heinz, Humana соответствуют показателям безопасности пищевых продуктов, определенным техническим регламентом Таможенного союза, что свидетельствует об отсутствии запрета на их ввоз и (или) продажу на территории Республики Армения по смыслу приведенных ранее норм. В соответствии с вышеупомянутыми нормами международного договора, ратифицированного Республикой Армения, государство обязалось обеспечить оборот продукции, соответствующей техническим регламентам Таможенного союза, без предъявления дополнительных требований помимо требований к этой продукции, следовательно, реализация продажи детского питания, не являющегося молочной смесью, не могла повлечь административную ответственность по ст. 158 КоАП РА»<sup>13</sup>.

Данное решение суда не имеет рационального юридического обоснования. Судья, осознавая требование выполнения международных обязательств, на интуитивном уровне решил, что параграф 15 ст. 158 КоАП РА не может повлечь ответственность за продажу товаров, разрешенных ЕЭК, на территории Республики Армения.

Во-первых, Административный суд РА (далее – Суд) явно (прямо) не указал в решении, что имело место несоответствие между нормативными актами ЕЭК и параграфом 15 ст. 158 КоАП РА, поэтому можно предположить, что Суд в рамках данного дела не заметил никакого противоречия между актами ЕЭК и ст. 158 КоАП РА (хотя наличие такого противоречия очевидно). Можно предположить, что Суд избежал квалификации данной ситуации в качестве коллизии, поскольку коллизионная норма об урегулировании коллизий между актами ЕАЭС и законами РА не закреплена в позитивном праве РА. С другой стороны, если Суд не обнаружил противоречия между правовыми нормами в этом деле, то почему он сослался на коллизионную норму, закрепленную в ч. 3 ст. 5 Конституции РА.

Конечно, можно сказать, что Суд интерпретировал параграф 15 ст. 158 КоАП РА в данном деле в ограниченном объеме и решил, что этот запрет не распространяется на продажу детских товаров, разрешенных актами ЕЭК. Можно было бы согласиться с ограничительным толкованием параграфа 15 ст. 158 КоАП РА, если бы запрет в п. 15 ст. 158 КоАП РА не был сформулиро-

ван столь категорично: «запрещается... продажа любых пищевых продуктов»<sup>14</sup>.

Во-вторых, в мотивировочной части этого решения Суд сослался на ч. 3 ст. 5 Конституции РА и сделал следующее заключение: «Международные договоры, ратифицированные Республикой Армения, являются неотъемлемой частью правовой системы Республики Армения, и с точки зрения ее положения в иерархии национальных правовых актов международные договоры, ратифицированные Республикой Армения, имеют приоритет в случае противоречия между международными договорами и национальными правовыми актами»<sup>15</sup>.

Ссылка на ч. 3 ст. 5 Конституции РА в мотивировочной части решения Суда является спорной. Суд мог бы сослаться на коллизионную норму, если бы четко обозначил правовую коллизию между нормативными актами ЕЭК и параграфом 15 ст. 158 КоАП РА. Однако Суд не констатировал наличие юридической коллизии. Следовательно, ссылка на коллизионную норму становится беспредметной.

Даже если предположим, что Суд косвенно (имплицитно) констатировал наличие коллизии между актами ЕЭК и параграфом 15 ст. 158 КоАП РА, коллизионная норма, закрепленная в ч. 3 ст. 5 Конституции РА, не могла сама по себе разрешить эту коллизию, поскольку данная конституционная норма относится к противоречию между ратифицированными международными договорами и законами РА. Между тем предполагаемая коллизия в данном случае возникла не между международным договором и законом РА, а между нормативным актом органа наднациональной международной организации и законом РА.

Таким образом, правовая система РА не предусматривает нормы *lex superior* для разрешения коллизий между актами органов ЕАЭС, в том числе актами ЕЭК, и законами РА, однако суды разрешают дела, фактически по разным причинам отдавая предпочтение нормативным актам ЕЭК.

До законодательного закрепления нормы *lex superior* для урегулирования коллизий между нормативными актами органов ЕАЭС и законами РА суды РА должны попытаться решить вопрос путем выбора одного из следующих вариантов вместо того, чтобы предпринимать искусственные или интуитивные действия.

Вариант первый: суд закрепляет в своем судебном акте самостоятельное коллизионное правило *lex superior*, согласно которому нормативные акты органов ЕАЭС имеют верховенство над законами РА, а в случае такого противоречия применяются нормативные акты органов ЕАЭС. Основным недостатком данного варианта является сложность обоснования действительности (легитимности) источника коллизионного правила, установленного судом.

Вариант второй: в судебном акте посредством правовой фикции правовые свойства нормативных актов органов ЕАЭС приравниваются к международным договорам (по примеру Конституционного Совета Казахстана). Обоснованием закрепления этой юридической фикции является принцип "*pacta sunt servanda*".

<sup>13</sup>Решение Административного суда РА Ч7/10376/05/19 от 28.10.2020 г. // DataLex. URL: [http://www.datalex.am/?app=AppCaseSearch&case\\_id=38562071809940904](http://www.datalex.am/?app=AppCaseSearch&case_id=38562071809940904).

<sup>14</sup>См. 13.

<sup>15</sup>См. 13.



Вариант третий: суд констатирует наличие пробела в вопросе разрешения коллизии между нормативными актами органов ЕАЭС и законами РА, поскольку ни ст. 6 Конституции РА, ни решение Конституционного суда № УТН-1175, ни Закон РА «О нормативных правовых актах» не предусматривают иерархию и коллизионную норму для нормативных актов органов ЕАЭС и законов РА. Далее, руководствуясь ст. 39 Закона РА «О нормативных правовых актах» (применение аналогии права и закона) и разрешая коллизию между нормативными актами органов ЕАЭС и нормативными актами РА, по аналогии должна применяться ч. 3 ст. 5 Конституции РА.

### 2.3. Компетенционное коллизионное правило.

При установлении иерархии нормативных актов органов ЕАЭС и законов РА и приоритета коллизионного правила *lex superior* в рамках законодательства РА необходимо иметь в виду, что коллизионное правило *lex superior* не может применяться, если органы ЕАЭС приняли нормативный акт, относящийся к исключительной компетенции государств-членов. В подобной ситуации коллизию правовых норм следует разрешать не с помощью канона *lex superior*, а посредством компетенционного коллизионного правила.

Компетенционное коллизионное правило может быть выведено из положений, закрепленных в актах Суда ЕАЭС. Так, в консультативном заключении суда от 10.07.2018 говорится: «При соблюдении указанных условий в сферах, относящихся к исключительной компетенции Союза, обеспечивается приоритет права Союза над национальными правовыми актами. Это, в том числе, означает, что по вопросам, переданным на наднациональный уровень регулирования, государства-члены обязаны воздерживаться от принятия национальных правовых актов, противоречащих нормам права Союза»<sup>16</sup>. Из формулировки решения следует, что право Союза имеет преимущественную силу только в сфере исключительной компетенции ЕАЭС.

В консультативном заключении Суда ЕАЭС от 04.04.2017 отмечается: «Эта свобода усмотрения предполагает, что при принятии норм права государства должны находить разумный баланс между развитием своего внутреннего рынка и эффективным функционированием трансграничного рынка, предполагающий, что ни государства-члены, ни органы Союза не должны вторгаться в компетенцию друг друга»<sup>17</sup>.

Если сферы компетенции органов государств-членов и органов ЕАЭС четко разграничены и органом ЕАЭС принят нормативный акт по вопросу, входящему в компетенцию органа государства-члена, то такое противоречие должно быть разрешено на основании кол-

лизионного правила компетенции. Предпочтение должно отдаваться правовой норме, принятой государственным органом государства-члена, который уполномочен принимать правовую норму по этому вопросу.

## ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Констатируется отсутствие в законодательстве РА коллизионных норм, разрешающих противоречия между нормативными правовыми актами органов ЕАЭС и нормативными правовыми актами РА (кроме Конституции РА) и вырабатывается альтернативный вариант восполнения данного пробела посредством судебной системы, обладающей способностью быстрого реагирования:

- закрепление судом в своем судебном акте самостоятельного коллизионного правила *lex superior*, устанавливающего приоритет нормативных актов органов ЕАЭС и их применение в случае возникновения противоречия между ними и законами РА;

- приравнивание правовых свойств нормативных актов органов ЕАЭС в судебном акте к международным договорам посредством правовой фикции;

- констатация судом наличия пробела в вопросе разрешения коллизии между нормативными актами органов ЕАЭС и законами РА в позитивном праве РА и дальнейшее применение конституционного приоритета международных договоров по аналогии.

При этом не отрицается необходимость законодательного закрепления коллизионных норм, которые внесут ясность в неопределенный характер актов органов ЕАЭС. Обозначается исключение из конституционного приоритета международных договоров, к которым, как вариант, предлагается приравнять акты органов ЕАЭС, в виде применения коллизионного правила компетенции в рамках сфер компетенций государств-членов.

## ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Представлены способы разрешения правовых коллизий судами на примере коллизий между актами органов ЕАЭС и нормативными правовыми актами РА при отсутствии в позитивном праве коллизионных норм.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Neshataeva T.N. Eurasian Integration: General Values and Legal Institutions // Justice. 2020. Vol. 2. № 3. P. 62–85.
2. Глазьев С.Ю. Евразийская экономическая интеграция в широком геополитическом контексте // Евразийская интеграция: истоки, проблемы, перспективы. СПб.: Университет при МПА ЕвразЭС, 2017. Т. I. С. 9–28.
3. Ветренко И.А. Евразийская интеграция как стратегический выбор России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 1. С. 78–83.
4. Шмаков Р.В. К вопросу о «наднациональности» права Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2015. № 10. С. 16–22.
5. Назарова О.В. Участие Республики Беларусь в Евразийском экономическом союзе: конституционно-

<sup>16</sup> Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 10.07.2018 «По заявлению Республики Беларусь о разъяснении положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: <https://legalacts.ru/doc/konsultativnoe-zakliuchenie-suda-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soiuza-ot-10072018-pol/>.

<sup>17</sup> Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 04.04.2017 № CE-2-1/1-17-БК «О разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014» // Судебные и нормативные акты РФ. URL: [https://sudact.ru/law/konsultativnoe-zakliuchenie-suda-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soiuza-ot\\_1/](https://sudact.ru/law/konsultativnoe-zakliuchenie-suda-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soiuza-ot_1/).

- правовая оценка // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2017. № 2. С. 24–27.
6. Boklan D., Lifshits I. Eurasian Economic Union Court and WTO Dispute Settlement Body: Two Housewives in One Kitchen // *Russian Law Journal*. 2019. Vol. 7. № 3. P. 169–193.
  7. Нешатаева Т.Н. Суд и право. Евразийская интеграция. М.: Норма, 2021. 336 с.
  8. Дьяченко Е.Б., Энтин К.В. Толкование с опорой на конституционные традиции государств-членов и защита прав человека Судом Европейского Союза и Судом Евразийского экономического союза // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 4. С. 173–186.
  9. Дьяченко Е., Энтин К. Компетенция суда Евразийского экономического союза: мифы и реальность // *Международное правосудие*. 2017. № 3. С. 76–95.
  10. Хачатрян Э.А. Основные подходы Суда ЕАЭС при отправлении правосудия // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 7. С. 134–140.
  11. Самсонов Н.В. Акты Суда ЕАЭС и система источников (форм) российского гражданского процессуального права // *Современное право*. 2020. № 1. С. 98–102.
  12. Зыбайло А. Соотношение международного и внутригосударственного права. Минск: Право и экономика, 2007. 175 с.
  13. Сарсембаев М.А. Решения, постановления, заключения Суда ЕАЭС и Суда ЕС: аналогичные и различительные черты // *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. 2019. № 3. С. 95–101.
  14. Боклан Д.С. Евразийский экономический союз и Всемирная торговая организация: соотношение правовых режимов // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2017. № 2. С. 223–236.
  15. Маркосян Т., Сантросян А. Проблемы применения нормативных правовых актов органов Евразийского экономического союза в Республике Армения // *Научный Арцах*. 2021. № 1. С. 93–96.
  16. Абраамян А. Применимость и организационно-правовые структуры реализации актов Евразийского экономического союза в Конституционном праве Республики Армения и других государств-членов // *Государственное управление*. 2018. № 1-2. С. 208–217.
  17. Абраамян А. Конституционное закрепление членства Республики Армения в международных организациях: сравнительный правовой анализ // *Правосудие*. 2017. № 4. С. 68–73.
  18. Абраамян А. Вопросы правового статуса Евразийского экономического союза как наднациональной международной организации в рамках конституционных норм Республики Армения // *Правосудие*. 2018. № 5. С. 36–40.
  19. Даниелян Г. Правовое значение решений органов ЕАЭС в отечественной правовой системе. Ереван: ЕГУ, 2016. 87 с.
  20. Хачикян Т. Об основных проблемах соотношения таможенного законодательства ЕАЭС и Закона РА «О таможенном регулировании». Ереван: ЕГУ, 2018. 484 с.

## REFERENCES

1. Neshataeva T.N. Eurasian Integration: General Values and Legal Institutions. *Justice*, 2020, vol. 2, no. 3, pp. 62–85.
2. Glazev S.Yu. Eurasian economic integration within wide geopolitical context. *Evraziyskaya integratsiya: istoki, problemy, perspektivy*. Sankt Petersburg, Universitet pri MPA EvrAzES Publ., 2017. Vol. I, pp. 9–28.
3. Vetrenko I.A. Eurasian integration as a strategic choice of Russia. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, 2020, no. 1, pp. 78–83.
4. Shmakov R.V. To the issue of “supernationality” of the Eurasian economic union law. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2015, no. 10, pp. 16–22.
5. Nazarova O.V. Participation of the Republic of Belarus in the Eurasian economic union: constitutional law evaluation. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo*, 2017, no. 2, pp. 24–27.
6. Boklan D., Lifshits I. Eurasian Economic Union Court and WTO Dispute Settlement Body: Two Housewives in One Kitchen. *Russian Law Journal*, 2019, vol. 7, no. 3, pp. 169–193.
7. Neshataeva T.N. *Sud i pravo. Evraziyskaya integratsiya* [Court and law. Eurasian integration]. Moscow, Norma Publ., 2021. 336 p.
8. Dyachenko E.B., Entin K.V. Interpretation based on the constitutional traditions of member states and the protection of fundamental rights by the CJEU and the EAEU court. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 173–186.
9. Dyachenko E., Entin K. Competence of the Eurasian economic union court: myths and realities. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2017, no. 3, pp. 76–95.
10. Khachatryan E.A. EHE court of the EAEU main approaches to administration of justice. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2019, no. 7, pp. 134–140.
11. Samsonov N.V. Acts of the eaeu court and the system of sources (forms) of Russian civil procedural law. *Sovremennoe pravo*, 2020, no. 1, pp. 98–102.
12. Zybailo A. *Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava* [The interrelation of international and national law]. Minsk, Pravo i ekonomika Publ., 2007. 175 p.
13. Sarsembaev M.A. Judgements, resolutions, opinions (conclusions) of the EAEU court and the EU court: similar and distinctive features. *Vestnik Instituta zakonodatelstva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan*, 2019, no. 3, pp. 95–101.
14. Boklan D.S. Eurasian economic union and world trade organization: interrelation of legal regimes. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2017, no. 2, pp. 223–236.
15. Markosyan T., Santrosyan A. The problems of application of normative legal acts of the authorities of Eurasian Economic Union in the Republic of Armenia. *Nauchnyy Artsakh*, 2021, no. 1, pp. 93–96.
16. Abraamyan A. Applicability and organizational and legal structures of implementing the acts of Eurasian Economic Union within the Constitutional law of the Republic of Armenia and other member states. *Gosudarstvennoe upravlenie*, 2018, no. 1-2, pp. 208–217.



17. Abraamyan A. Constitutional enshrining of membership of the Republic of Armenia in international organizations: comparative legal analysis. *Pravosudie*, 2017, no. 4, pp. 68–73.
18. Abraamyan A. The issues of legal status of Eurasian Economic Union as a supranational international organization in the context of constitutional norms of the Republic of Armenia. *Pravosudie*, 2018, no. 5, pp. 36–40.
19. Danielyan G. *Pravovoe znachenie resheniy organov YeAES v otechestvennoy pravovoy sisteme* [Legal meaning of the decisions of the EEU authorities in the native legal system]. Erevan, EGU Publ., 2016. 87 p.
20. Khachikyan T. *Ob osnovnykh problemakh sootnosheniya tamozhennogo zakonodatelstva EAES i Zakona RA "O tamozhennom regulirovanii"* [About the main problems of interrelations of the EEU customs legislation and the RA Law "Concerning Customs Regulation"]. Erevan, EGU Publ., 2018. 484 p.

**COLLISIONS BETWEEN THE LEGAL ACTS OF EURASIAN ECONOMIC UNION AUTHORITIES  
AND THE LEGAL ACTS OF THE REPUBLIC OF ARMENIA  
AND THEIR SETTLEMENT BY THE COURTS OF THE REPUBLIC OF ARMENIA**

© 2021

**A.S. Ghambaryan**, Doctor of Sciences (Law), Professor,  
Head of Chair of Theory of Law and Constitutional Law  
*Russian-Armenian (Slavonic) University, Yerevan (Republic of Armenia)*

**Keywords:** collisions; collision norms; laws of the Republic of Armenia; courts of the Republic of Armenia; legal acts of EEU authorities; lex superior principle.

**Abstract:** For a comprehensive study of collisions between the legal acts of the EEU authorities and legal acts of the Republic of Armenia, as well as the issues of their settlement by the RA courts, the author analyzes the regulations for the direct application of legal acts of the EEU authorities in the territory of the Republic of Armenia. There are no collision norms in the legislation of the Republic of Armenia, resolving the contradictions between the legal acts of the EEU bodies and the legal acts of the RA authorities (except the Constitution of the Republic of Armenia). The paper analyzes the positions of the Constitutional Court and Administrative Court of the Republic of Armenia on these issues. Before enshrining the collision norms in legislation, the author suggests the Armenian courts select one of the following options for resolving the issue. Option one: the court enshrines an independent lex superior collision rule in its judicial act, according to which the legal acts of the EEU authorities have the priority over those of the RA bodies, therefore in the case of such a contradiction, the legal acts of the EEU authorities are applied. The main disadvantage of this option is that there is difficulty in substantiating the validity (legitimacy) source of the collision rule established by the court. Option two: the legal characteristics of the EEU authorities' acts are being equated with international treaties in a judicial act by legal fiction. Option three: the court states that there is a gap in the RA positive law concerning the settlement of contradictions between the legal acts of the EEU authorities and the legal acts of the Republic of Armenia, as neither Article 6 of the Constitution of the Republic of Armenia, nor the decision of the Constitutional Court No. ՄՂՈ-1175 and the Law of the Republic of Armenia "Concerning Normative Legal Acts" envisage the hierarchy and collision norm for the legal acts of the EEU authorities and those of the bodies of the Republic of Armenia. Subsequently, guided by Article 39 of the Law "Concerning Normative Legal Acts" (application of legal analogy) and resolving a conflict between the legal acts of the EEU authorities and the legal acts of the Republic of Armenia, part 3 of Article 5 of the RA Constitution should be analogically applied.